

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Институт общественных наук
Школа актуальных гуманитарных исследований

**РУССКАЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
1910–1930-х ГОДОВ**

Материалы международной конференции
(Москва, РАНХиГС, 30–31 октября 2014 г.)

Москва
Новое литературное обозрение
2016

Патрик Серио (Лозанна)

НАСКОЛЬКО РЕВОЛЮЦИОННЫМ БЫЛО «НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ» Н.Я. МАРРА?

Есть такие слова, которые решают проблему самим фактом их произнесения. Это известное явление презумпции истинности и существования денотата имени. Именно поэтому настоящая статья посвящена исследованию термина «интеллектуальная революция».

Несмотря на заявления революционеров (М. Робеспьера, Л. Троцкого, Мао Цзэдуна) о том, что они «пишут новую страницу в книге мировой истории» и начинают совершенно новую эру, необходимо заметить, что революции не происходят в вакууме и воспитание «новых людей» происходило в «старое время».

В 20-е годы XX века как в Советской России, так и в эмигрантской среде новые интеллектуальные течения, какими бы новаторскими они ни были, опирались на идеи, теории, дискуссии, споры, разногласия, противоречия, недоразумения, которые подспудно подготавливали интеллектуальный взрыв первого послеоктябрьского десятилетия.

Об опровержении

Современному химику не пришло бы в голову заниматься опровержением алхимического трактата Николая Фламелья о поиске философского камня: алхимия входит не в область парадигмы химии, а в историю идей. Точно так же какой лингвист сегодня взял бы перо, чтобы опровергнуть *лингвистическими аргументами* «Эссе о происхождении языков» Жан-Жака Руссо?

Но тогда, если бы было очевидно, что «Новое учение о языке» Н.Я. Марра не имеет ничего общего с языкознанием, как объяснить, с одной стороны, исключительный восторг, вызванный этим учением о языке в СССР в 1920–1930-е годы, а с другой — попытки его опровергнуть, которые регулярно предпринимаются как на Западе, так и в СССР и в постсоветской России? Если бы Марр не представлял никакого интереса, не было бы потрачено столько энергии, чтобы его дискредитировать. Не кроется ли что-то в текстах Марра, о которых так много говорят, но которые так мало читают, что беспокоит и застораживает?

Поражают гиперболический тон обвинений, ожесточенный характер разоблачения. Вот, например, несколько цитат из статьи, написанной в 1978 году А. Исаченко, русским лингвистом-эмигрантом, который не должен был отчитываться перед советским режимом:

Лингвистам младшего и среднего поколения трудно себе представить, что из себя представляло «господство нового учения о языке» и до и после Второй мировой войны, какой антинаучный облик могла принять «школа», отказавшаяся от элементарных правил научной дискуссии, какой ущерб был нанесен русской науке небольшой кликой «терроретиков» (вроде пресловутого Аптекаря), пропагандирующих бредовые «идеи» своего «учителя»¹.

Отказавшись от всех правил, выработанных нашей наукой в результате настойчивого труда целых поколений, Марр сам исключил себя и своих «соратников» из круга ученых-лингвистов².

Он был после 1950 года разоблачен как шарлатан, антинаучный фантазер и вреднейшее явление в истории советской науки³.

Сам Бенвенист осуждает Марра как за его работы компаративиста («все более произвольные и упрощенные родственные связи языков», «вырождение самого наивного генетизма»), так и за «идеологию, лежащую в основе стадильности», которую Бенвенист определяет как «реконструкцию мышления в соответствии с обществом и языком», приводящую к «хаосу»; короче говоря, у Марра нет ничего, кроме «псевдонаучной фантазии»⁴.

Но существует удивительное созвучие между марристами и их противниками: одни провозглашают полный разрыв с предшествующей наукой, другие настаивают на абсолютной разнице между ней и марризмом. На самом деле все согласны с ободряющим постулатом: наука и не-наука находятся по разные стороны зияющей пропасти. Вот пример заявления одного убежденного марриста об абсолютном отличии теории Марра:

Благодаря неустанной языковедческой работе академика Марра, творца яфетической теории, у нас в Советском Союзе наука о языке строится совершенно на иных основах, совершенно иначе подходит к разрешению лингвистических проблем и, конечно, имеет иные перспективы своего развития, совсем несходные с современным состоянием индоевропейской лингвистики⁵.

Опять-таки, если бы все было так просто, зачем так сильно настаивать на разнице?

¹ Исаченко А. Мapp-Redivivus? // Russian Linguistics. 1978. Vol. 4. № 1. P. 83.

² Ibid. P. 85.

³ Ibid. P. 86.

⁴ Benveniste É. [Compte-rendu:] L. Thomas. The Linguistic Theories of N. Marr. Berkeley, 1957 // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1957. № 53. Fasc. 2. P. 16–18.

⁵ Сердюченко Г.П. Старое и новое в науке о языке // На подъеме. 1931. № 4. С. 167.

Дело в том, что между утверждением полного разрыва с прошлым и действительным его осуществлением есть шаг, которого, по моему мнению, Марр не сделал.

Время

Марр заморожен архаизмами, «древностями» и пережитками в языках, его привлекают первобытные времена. В июле 1928 года он совершает поездку в Чебоксары, чтобы объяснить своим слушателям-чувашам, что их язык насыщен словами, возникшими на заре человечества, что он близок шумерскому и находится в самом первобытном состоянии, которое можно найти на данный момент. В его устах это лучший комплимент, какой можно сделать. В эпоху, когда господствуют идеи Есперсена о прогрессе в языке, основанном на продвижении языков к аналитическому строю, когда в СССР преобладает общий эволюционизм, своего рода смесь Дарвина с Энгельсом, Марр поворачивает ось времени: он устанавливает систему ценностей, в которой поиск остатков самых древних этапов развития языков является залогом славы, а не жалким копанием в прошлом, от которого надо поскорее избавиться. Что же ищет Марр на заре человечества?

Великий нарратив происхождения и конца

Открыто выступая против понятия врожденных идей, Марр полностью разделяет антикартезианство Вико, Гердера и Кондильяка и выступает за историзм как основу всякого знания.

Марр пишет историю человечества через этапы эволюции языка. Он, очевидно, много читал в библиотеке Кутаисской гимназии. Он пересказывает, не называя их, спекуляции философов XVII и XVIII веков о происхождении языка. Как Вико, Кондильяк, Руссо и Гердер, он сочиняет великий нарратив, где ключевыми словами являются «В начале человек...; в эту эпоху; потом; уже; еще нет...». Его работа не выглядела бы неуместной, будь она представлена в 1769 году на конкурс Берлинской академии о происхождении языка, выигранный Гердером. Подобно Вико, Кондильяку, Руссо и Гердеру, Марр устанавливает этапы, или *стадии*, эволюции человека. Подобно этим философам, он считает, что он полностью изменил науку своего времени, отказавшись от абстрактного представления о человеке вне истории.

В начале была поэзия

Как для Марра, так и для Вико, Гердера и Кондильяка первобытные люди начали петь и танцевать, прежде чем стали говорить. И их первыми выступлениями на звуковом языке были поэтические высказывания. Как и у Вико, поэты были у Марра определенной кастой, другого этнического происхождения, чем остальная часть населения,

что соответствовало не очень марксистской концепции классово-борьбы в первобытном обществе.

Название чувашей, например, не является вечным именем целого народа, а только наименованием его части:

И название, ныне и с давних исторических эпох носимое тем или иным народом, есть наименование всегда одной из производственно-социальных группировок, вошедших в состав коллектива, лишь позднее выступавшего как племенное образование на крови, когда соответственная группа своей руководящей активностью приобщала все сложное уже образование своему имени, собственно своему групповому тотему <...> узнается это по наличию этого термина в словах, означающих предметы необходимости древнейшей общественно-хозяйственной среды, они же выделившиеся из трудмагических символов магические символы для первобытного человечества 'солнце', 'год', 'луна', 'месяц', 'огонь', 'вода', впоследствии ее продукция — 'дуб', 'хлеб' и их служитель 'жрец', 'знахарь'. Ибо известно, что при первобытном мышлении «жрец» представлялся олицетворением божества, тогда еще лишь тотема, по которому звалось племя, изрекателем его воли и постольку не только предсказателем, но и творцом слова, «поэтом», да и само слово в представлении тех эпох не было тем, чем оно теперь и с давних пор является в обиходном употреблении, — средством взаимного общения: оно было орудием магического воздействия. Между прочим, чувашское название знахаря, *юмэз* или *умэз* (разновидность вотск. *авыз*), оказалось разновидностью племенного названия чуваш — *subar* или *шуваш* или *θəvash*, *suvas* и т.д.⁶

Но это еще не все: *юмэз* по форме еще ближе к чувашскому слову *уитах*, означающему «сказка», «басня». Данное сближение Марр оправдывает с «идеологической», то есть семантической, точки зрения. В самом деле, на данном этапе исторического развития колдун или маг был сказителем и поэтом, а сказка, как и поэзия, рассматривалась как колдовство. Таким образом, «петь» и «заниматься колдовством» означало одно и то же, и в чувашском слове *юмэз* кроется не только колдун, но и поэт. Отсюда Марр делает еще один шаг вперед:

...в чувашском термине *юмэз* мы имеем не только «знахаря», но и «поэта», мы в нем имеем переживание доиндоевропейского средиземноморского слова *ютег*, сохраненного греками по недоразумению в качестве личного имени поэта (*Ομηρος*), и слово это означало не только «чародея», «мага», «поэта» определенной социальной группировки,

⁶ Марр Н.Я. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема // Избранные работы. Т. V. М.; Л., 1935. С. 405.

именно шумеро-кимеро-иберской, но, естественно, также орудие их воздействия, как бы «заклинания», с позднейшим их обиходным значением то «сказки», по-чувашски *уитах*, то просто «слова», «речи», по-чувашски *сэтах* (< *сумах*)⁷.

Для Марра пляска, пение и музыка предшествовали членораздельной речи:

Раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, раз для этого имелся обиходный язык линейный и ручной, раз возникновение членораздельных звуков не могло вызваться потребностью звуковой речи, раз ее не было и нужды в ней не было, то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как и происхождение трех искусств, одного линейного — пляски, двух звуковых — пения и музыки, т.е. игры на инструменте. Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс. Как известно, пляска, пение, музыка первоначально не представляли трех отдельных искусств, а входили нераздельно в состав одного искусства⁸.

Марр замечает за собой следы, но, сознательно или бессознательно, оставляет подсказки: ведь «как известно» является намеком на то, что всякий должен знать. Но как можно знать, что «пляска, пение, музыка первоначально <...> входили в состав одного искусства», если не читать Вико? Нет доказательств того, что Марр лично читал тексты этого философа. Но само название «Новое учение» может быть намеком на книгу Вико «*Scienza Nuova*» (1725), известную в России, вероятно, благодаря А. Потебне.

Постоянное изменение в три этапа

Вопреки Декарту и в унисон Ж. де Местру, для Марра нет человека в себе или врожденных идей, человеческое существование полностью зависит от исторических условий. Но, согласно эволюционизму, который больше обязан О. Контю, чем Дарвину, оно проходит через обязательные этапы или стадии. Эти эволюционные стадии представляют собой идеальные и необходимые ряды, а не запись эмпирических фактов. Акцент, поставленный Дарвином на случайности в эволюции, был неприемлемым для типа мышления, так глубоко проникшегося детерминистической философией истории.

⁷ Марр Н.Я. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема.

⁸ Марр Н.Я. Яфетическая теория. Баку, 1928. С. 101.

Главные тезисы этой философии можно сформулировать следующим образом:

— *Пережитки* свидетельствуют о том, что наиболее развитые общества прошли через более ранние стадии развития.

— Наблюдаемые сходства в верованиях и социальном устройстве различных обществ подтверждают психическое единство человечества; они позволяют предположить, что история человечества является однолинейным рядом социальных институтов и верований.

— Так как разные народы представляют различные этапы развития культуры, только сравнительный метод позволяет выявить историю человеческих институтов и верований.

На самом деле тема стадийной эволюции настолько распространена в истории идей в Европе, что удивительно, что она так часто приписывается именно Марру. Марр — не изобретатель бредовой теории. Он пересмотрел и адаптировал к своей эпохе проект поиска *разума* в истории. Этот проект возник в эпоху Возрождения в противовес идее вневременной вечности человеческой природы. Может меняться только аксиологическая ориентация: лучшее либо в конце, либо в начале. Для позитивизма, например, ясно, что развитие идет постепенно и неизбежно от варварства к цивилизации.

С. Кьеркегор также выделяет три этапа развития индивидуального существования: эстетическую стадию, потом этическую и, наконец, религиозную.

Но наиболее разработанную стадийную концепцию сформулировал О. Конт. Он определил три этапа эволюции человечества, которое постепенно проходит от «теологической стадии», где все явления объясняются действием сверхъестественных сил, к «метафизической стадии», где объяснение сводится к абстрактным словам, и, наконец, к «позитивной стадии» развития, где объяснить означает «найти закон». Это историческое наблюдение, согласно которому человеческий ум в каждой цивилизации, как и в каждой личности, обязательно проходит через эти три стадии.

Напротив, Вико различает, в хронологическом порядке, который является нисходящей аксиологией, язык богов, язык героев и, наконец, человеческий язык.

Важно отметить, что все эти тройные теории основаны, явно или неявно, на аналогии, которую Геккель в Германии и фон Бэр в России назвали «законом рекапитуляции»: согласно этому закону филогенез повторяет онтогенез.

Марр не выдвигает гипотез в области генетической психологии: его интересует лишь филогенез. Он не предлагает наблюдать за овладением языком детьми. Но примечательно то, что у него всегда есть три стадии, расположенные вдоль временной иерархии. Парадокс в том,

что у Марра то, что наступает позже, лучше, чем то, что было раньше, но этот факт не мешает идеализировать первую стадию и испытывать ностальгию по ней. Мы вернулись здесь к уже поставленной проблеме чувашей: как объяснить эту тоску по первобытному состоянию?

*Освободиться от звуковой материи:
язык (le langage) после языков (les langues)*

Все языки несовершенны,
ибо множественны —
недостает высшего...

(Малларме, «Кризис стиха», 1897)

Марр восхваляет молчание, потому что звуковая материя является источником страдания. Она препятствует прямой связи с подразумеваемым смыслом. Поэтому нет ничего удивительного, что идеалом для Марра является освобождение от уз этой материи. Для него наилучший язык — это не-язык, язык молчания. Это очень неоригинальная позиция, которая, от исихастского богословия до поэтических исследований Малларме, лежит в основе протеста против того, что после грехопадения люди были отделены от непосредственной связи, будь то видение Бога (ср. Фаворский свет) или соприкосновение с амниотической жидкостью в утробе матери⁹. Но эта позиция «логофилии»¹⁰ имела мало шансов быть понятой с точки зрения «нормальной науки», как в СССР, так и в Западной Европе. Она была невоспринимаемой, находилась вне mainstream'a, это была русская разновидность направления мысли, которое имеет свою собственную историю. Похоже, что в этом случае понятие (национальной) традиции в языкознании не только теряет свое значение, но и перестает представлять интерес.

Итак, почему Марр наслаждается языками, насыщенными остатками, пережитками, древностями и окаменелостями самых архаичных, самых примитивных состояний? Потому что эти языки приближают нас к древним временам райского состояния неразделенности, к эпохе языка, предшествующего звуковым языкам, языка кинетического, «языка действия» (le langage d'action) Кондильяка или «языка жестов» (Gebärdesprache) Вундта, языка природного, полностью дейктического и иконического.

Идеальный язык будущего, «окончательно освобожденного от звуковой материи», является языком, где больше не страдают от деления

⁹ См.: Rank O. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse. Wien; Leipzig; Zürich, 1924.

¹⁰ О понятии «логофилия» см.: Pierrssens M. La Tour de Babil. Paris: Minuit, 1976.

знака, где звук перестает быть преградой, которая стоит между людьми и их мыслями.

Этот очарованный поиск самых архаичных языковых состояний приобретает смысл через археологические и геологические метафоры глубоко погребенных слоев. Лингвистическая палеонтология является погружением в глубины ностальгии по первородному состоянию неразличимости («диффузности»). Это идеал прозрачности изначального языка, идеал, примеры которого мы находим в многочисленных схоластических описаниях «беседы ангельской».

Сверхреволюционные авангардистские теории могут быть крайне антимодернистскими по своему тяготению к архаизму. Интеллектуальную жизнь Советской России 1920–1930-х годов можно было бы изучать и с этой точки зрения.